

сантиметры, но от них зависит жизнь. Чтобы получить свой суточный паек - одну тарелку с баландой, один осужденный должен был выполнить суточную норму. Например, распилить 3 кубометра древесины, а если работали по двое, то удваивалась и норма. В то время в Таштагольском районе активно развивалась горнодобывающая промышленность, велись лесозаготовительные работы, шло строительство железнодорожных путей. Такая работа с современной техникой потребует гораздо меньших усилий, нежели ручной лагерный труд, когда в руках только топор и пила. Наш экскурсовод рассказала, что многие осужденные специально выбегали за запретную зону, чтобы их расстреляли якобы за побег. Настолько невыносимы были условия жизни и работы в лагере.

Когда мы прошли в жилой барак - это длинное здание, уставленное двухэтажными деревянными нарами, у меня появилось то самое чувство, когда лучше один раз увидеть, чем много раз услышать... В жилом бараке, где проживали несколько десятков, а то и сотня человек, стены насквозь продувались ветром, и на все это помещение - одна маленькая буржуйка. Неудивительно, что приходя с исправительных работ, осужденные зимой не успевали высушить мокрую одежду и, как результат, поутру отдирали ее примерзшую к нарам. В лютые морозы натопить большое помещение с маленькой печкой было просто невозможно. Потому фельдшерский пункт заключенными расценивался ничем иным как «санаторием» - там гораздо теплее, да и паек получше... Некоторые пытались нанести себе вред сами, но такое самоприкладство строго наказывалось.

Судьба же тех, кому освободившись удалось покинуть ГУЛАГ, в дальнейшем тоже не складывалась: их считали врагами народа. Устроиться на хорошую

Центральный вход в музей-заповедник «Трехречье»

Лагерь-музей, посвященный памяти жертв политических репрессий

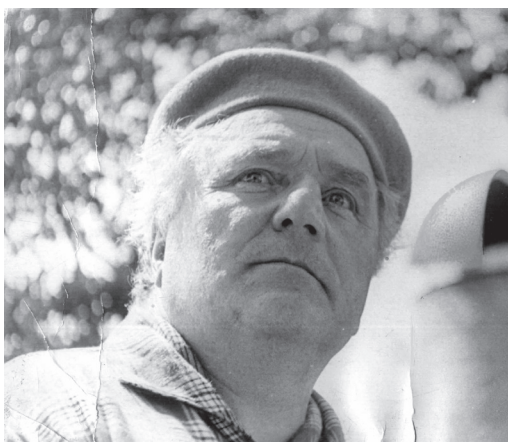
работу было практически невозможно. Детям, чьи родители обвинялись по политической статье, меняли фамилии, и позже они уже не могли друг друга найти. Жизнь не делилась на «до» и «после». Она рушилась: многих «съедали» не тяжелые бытовые условия, а психологическое напряжение, лагерный режим, бесчеловечное отношение.

Среди заключенных были осужденные в основном по политической статье и кулаки. Одной из легендарных личностей, побывавших на исправительных работах в Шорском ГУЛАГе, был **Анатолий Витальевич Дьяков**. Советский астроном и метеоролог, попавший в заключение из-за своих записей в личном дневнике о политической ситуации в стране. Анатолий Витальевич был выдающимся провидцем погоды и стихийных бедствий. Его декадные прогнозы сбывались почти стопроцентно, месячные оправдывались более чем на 80 процентов. Причем предвидеть погоду он мог в любом месте земного шара. В частности

- предсказал ураган «Инес» в 1966 году, засуху в СССР 1972 года и заморозки во Франции. После освобождения Анатолию Витальевичу Дьякову повезло, он продолжил свое любимое дело - прогнозировать погоду.

Страшно, что сегодня мы забываем уроки своей истории, не уделяем должного внимания ошибкам, совершаемым в прошлом. Да и обычную жизнь анализируем мало. Музей-заповедник «Трехречье» - это нить, связующая разные эпохи. Главная особенность музея в том, что придя сюда, посетители сами становятся участниками экспозиции. Помимо сувениров и обеда в арестантской столовой каждый может принять участие в лагерных работах. Я поучаствовал в распиловке полена ручной пилой и лучком, сохранившимся с 30-50х годов XX века. Впечатления сильные. Как и усилия, требуемые для этих работ. Побывав там, я уверен, что обязательно приеду снова, чтобы открыть эту трагическую страницу истории и для своей дочери.

Евгений РАКИН
Фото автора

А.В. Дьяков, около своей башни с гелиографом, в 1970 г.

Фото из статьи Ю.И. Русинова
«Бог погоды, вероятно,
ловил «бабочку» на земле»